

Преднамеренное банкротство и иные экономические преступления в сфере деятельности институциональных субъектов финансового рынка

Школик О.А. Старший научный сотрудник Центра региональных компаративных исследований, ФГБУН Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Доцент кафедры социально-экономических дисциплин Уральского юридического института МВД России, Екатеринбург, Россия

Михайлова Н.С. Доцент кафедры социально-экономических дисциплин Уральского юридического института МВД России, Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются экономические преступления в сфере финансовых рынков во взаимосвязи с финансовыми рисками инвесторов. Анализируются особенности и специфика влияния уголовного производства на судьбу и перспективы возмещения убытков инвесторов, возникших в результате совершения преступного деяния.

Ключевые слова: преднамеренное банкротство, финансовые рынки, финансовые институты, экономические преступления.

Intentional bankruptcy and other economic crimes in the sphere of activity of institutional entities of the financial market

Shkolik O.A., Senior Researcher of Centre of regional comparative research, Institute of economics, Ural branch of Russian academy of sciences

Associate Professor of the Department of socio-economic disciplines of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Mikhailova N.S. Associate Professor of the Department of socio-economic disciplines of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Annotation. The article discusses economic crimes in the field of financial markets in relationship with financial risks of investors. The features and specifics of the impact of criminal proceedings on the fate and the prospects for compensation for the losses of investors arising as a result of the commission of a criminal act.

Keywords: intentional bankruptcy, financial markets, financial institutions, economic crimes.

На пятилетнем временном отрезке 2017-2021 годов, в сфере деятельности институциональных субъектов финансового рынка, достаточно четко просматривается тенденция концентрации финансовых рисков, связанных с вероятностью потерь финансовых ресурсов гражданами и организациями, а также потерь финансовых ресурсов государства, представленного в лице специализированных публичных финансовых институтов — преимущественно в лице Центрального банка Российской Федерации (далее Банк России) и Пенсионного фонда России, в результате совершения противоправных деяний, квалифицируемых как преступления в сфере экономической деятельности.

В пользу умозаключения о наличии данной негативной тенденции имеется несколько свидетельств. Во-первых, наличие данной тенденции отмечается со стороны профессиональных сообществ — как финансистов, осуществляющих профессиональную деятельность на финансовом рынке, так и юристов уголовно-правовой направленности, осуществляющих адвокатскую деятельность в сфере экономических преступлений¹. Во-вторых, наличие данной тенденции подтверждается официальными лицами государственных органов законодательной и исполнительной власти [1]. Более того, серьезность последствий от развития этой тенденции привела к тому, что в публично-властной среде всем стала очевидной необходимость реакционных действий на происходящие в этой сфере криминальные процессы. В результате осознания этой необходимости, группой депутатов Государственной Думы РФ, были

---

¹ См.: Интервью с П. Хлюстовым, управляющим партнером адвокатского бюро «Павел Хлюстов и Партнеры» // Газета "Коммерсантъ", приложение «Юридический» № 163 (6884) от 09.09.2020. – С. 10.

разработаны и внесены на рассмотрение в Федеральное Собрание РФ проекты законов, существенно ужесточающих финансовую, административную и уголовную ответственность высших и иных должностных лиц финансовых организаций². В частности, одним из законопроектов, предполагающих внесение изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации, предусматривается выделение преступных деяний по криминальному банкротству, т.е. преднамеренному или фиктивному банкротству, а также по деяниям в виде неправомерных действий при банкротстве, в отдельные составы преступлений, если они совершены в отношении кредитной или страховой организации, либо в отношении негосударственного пенсионного фонда³. На последнее условие необходимо обратить особое внимание, поскольку здесь содержится существенный пробел. Ведь если не принимать во внимание недостатки законодательного процесса, характеризующиеся тем фактом, что законопроект длительное время находится в состоянии рассмотрения и за 1,5 года прохождения законодательных процедур внутри Федерального Собрания РФ он дошел только до еще не состоявшегося первого чтения в нижней палате российского парламента, то из наиболее значимых регулятивных проблем законопроекта отметим то, что его нормы ограничены их применением только к 3 видам финансовых организаций. Так из-под действия предложенных в законопроекте изменений выпадают все профессиональные участники рынка ценных бумаг, микрофинансовые организации и кредитные кооперативы, где криминогенность и уровень преступности несколько не меньше, чем, например в сфере кредитных организаций [3]. В-третьих, наличие обозначенной негативной тенденции подтверждается статистическими данными [4]. Более того, при рассмотрении более широкого временного диапазона — десятилетнего

---

² Термин «Финансовые организации» употребляется в значении, определенном в российском законодательстве — см., например: ст. 76.1 Федерального закона от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а также ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О защите конкуренции».

³ Законопроект № 909883-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия преступлениям, связанным с банкротством кредитной или иной финансовой организации». [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/909883-7>

периода 2011-2020 годов, статистические данные наглядно демонстрируют наличие двух разнонаправленных тенденций и четко фиксируют точку излома тренда (табл. 1).

Таблица 1

**Количество выявленных экономических преступлений
на финансовом рынке**

Период	Выявлено					Совершенных в особо крупном размере, либо причинивших крупный ущерб
	Всего шт.	+/-	Среднее / месяц	Органами внутренних дел	Иными гос.органами	
2011	57 251	-20,1%	4 771	56 711	540	10 125
2012	51 433	-11,3%	4 286	50 549	884	9 531
2013	39 424	-30,5%	3 285	38 197	1 227	6 187
2014	32 254	-22,2%	2 688	30 350	1 904	5 337
2015	31 596	-2,1%	2 633	30 418	1 178	5 821
2016	28 884	-9,4%	2 407	27 939	945	5 704
2017	27 288	-5,8%	2 274	26 317	971	5 570
2018	29 833	8,5%	2 486	28 906	927	6 122
2019	29 979	0,5%	2 498	28 823	1 156	5 847
2020	31 309	4,2%	2 609	30 363	946	5 730
2021*	25 349	17,7%**	3 169	24 625	724	4 697

* январь-август 2021 года
** величина определена из среднемесячных значений

Как видно из приведенной таблицы на протяжении 2011-2017 годов наблюдается существенное постепенное снижение количества экономических преступлений на финансовом рынке. Точка излома нисходящего тренда формируется на рубеже 2017 и 2018 годов, и с этого момента наблюдается рост экономических преступлений, совершаемых на финансовых рынках. Отдельно нужно обратить внимание на преступления, совершаемые в особо крупном размере или причинивших крупный ущерб. Такие преступления стабильно составляют пятую часть от общего количества данной группы экономических преступлений.

С точки зрения методологической принадлежности исследуемых нами общественно-опасных деяний и предопределенных этими деяниями финансовых

рисков, которые принимают на себя инвесторы⁴ финансовых организаций, государство и профессиональные сообщества рассматривают сами деяния и причиненный ими частный и общественный ущерб именно во взаимосвязи с банкротством. При этом конкретная роль банкротства в процессе совершения преступления — выступало ли оно средством причинения вреда или прикрытием противоправных действий, являлось ли оно непосредственным следствием преступных действий или лишь обстоятельством, сопутствующим преступлению — не имеет значения. Вместе с тем с точки зрения уголовной правоприменительной практики экономические преступления в сфере финансовых рынков, особенно такие как преднамеренное банкротство финансовых организаций, сложны в своей квалификации, расследовании и доказывании в процессе уголовного судопроизводства. Это обусловлено целым комплексом причин и факторов, в силу которых в уголовной правоприменительной практике можно встретить квалификацию преступлений в разрезе отдельных противоправных деяний, совершенных на фоне такого легитимного экономико-правового явления как банкротство, сопровождающих или пусть даже и являющихся его причиной, нежели комплексная квалификация всех преступных деяний в рамках единого криминального банкротства. Как правило, это реализуется в рамках квалификации деяний по одному или нескольким видам преступлений из широкого перечня хищений [5]. Иными словами, криминальное банкротство нередко сопровождается совершением таких противоправных действий, которые в отдельности образуют самостоятельный состав преступления — например, мошенничество, присвоение или растрата. В этом случае, совершенное хищение может выступать причиной, а банкротство быть естественным следствием. На этом фоне с позиции восстановления правопорядка и привлечения лица к уголовной ответственности наиболее успешным и результативным оказывается уголовное

---

⁴ Термин «Инвесторы» употребляется в значении, определенном в российском законодательстве — см., например: Закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР», Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений».

производство именно по отдельным составам преступлений, нежели принятие более рискованного бремени по расследованию и доказыванию комплексного криминального банкротства. Проще говоря именно здесь, мы сталкиваемся с трансформацией криминального банкротства в иные экономические преступления.

Для того чтобы понять сущность и содержание этих причин и факторов требуется обратиться к исследованию общей категории «банкротство» и квалифицирующей категории «преднамеренное».

Обратимся к основному нормативному документу, содержащему в себе трактовку понятия: несостоятельность (банкротство) – признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей⁵. Таким образом, банкротство юридического лица заключается в утрате платежеспособности, с последующим ростом кредиторской задолженности и невозможности погашения обязательств перед кредиторами.

Банкротство может содержать в себе признаки противоправного деяния, если речь идет об искусственно созданной ситуации – преднамеренное банкротство. Данное преступное деяние отличается своей высокой латентностью, за счет переориентации экономических отношений: использования законных рычагов воздействия на бизнес организации через вектор противоправных действий. Целевая точка в совершении преднамеренного банкротства сводится не столько к признанию лица банкротом, сколько к распределению материальных ценностей, отторгаемых от лица-банкрота, либо в результате применения процедуры банкротства, либо с последствиями банкротства. Когда процедура банкротства является закономерным этапом жизненного цикла хозяйствующего субъекта, это регулируется гражданско-правовым законодательством и не несет

---

⁵ См: Ст.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Российская газета» от 2 ноября 2002 г. № 209-210.

в себе определенных угроз и общественно опасных деяний. Однако, когда процедура банкротства выходит за рамки законности – это уже уголовная юрисдикция.

В главе 22 Уголовного кодекса Российской Федерации содержится статья 196, направленная на противодействие преступлениям в сфере преднамеренного банкротства. Борьба с незаконным искусственным способом банкротства предприятий относится к одному из значимых направлений уголовно-правовой политики государства.

Объективная сторона данного типа криминального банкротства образуется из совершения активных действий или наоборот проявления пассивного бездействия, которые заведомо влекут за собой неспособность организации, индивидуального предпринимателя или гражданина, удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и/или исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в полном объеме, если следствием этих действий или бездействия стало причинение крупного ущерба.

Преднамеренное банкротство несет в себе получение материальной выгоды, путем завладения имуществом организации с его целью дальнейшей реализации. Ущерб может быть реальным, либо потенциальным и выражаться в упущенной экономической выгоде. Но вторая категория весьма субъективна, выражающая предполагаемую коммерческую прибыль организации за неотработанные в будущем периоды. С точки зрения экономического расчета в обоснование позиции о наличии упущенной экономической выгоды можно привести условные показатели, но с точки зрения целесообразности их применения в качестве доказательной базы в судопроизводстве является весьма противоречивым.

Субъектом совершения данного типа криминального банкротства, по сути, могут выступать любые виновные лица. Из общей массы виновных лиц уголовное законодательство особо выделяет лиц, которые при совершении преступления использовали свое служебное положение или являлись лицом, контролирующим должника (банкрота), либо являлись руководителем этого

контролирующего лица. При этом согласно гражданскому законодательству и законодательству о банкротстве контролирующим лицом будет являться физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее право давать организации-банкроту обязательные для исполнения ею указания или определять ее действия не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом. Здесь необходимо принять во внимание два аспекта. Первый – для квалификации лица как контролирующего необходимо детально исследовать какова степень вовлеченности этого лица в управленческий процесс организации-банкрота, то есть оценить его реальную способность принимать те решения, которые выступили причиной банкротства и причинения ущерба. По логике законодательства лицо, не наделенное полномочиями по принятию самостоятельных решений и даче распоряжений, обязательных к исполнению не может быть признано контролирующим. Второй — при квалификации действует принцип опровержимой презумпции, согласно которому если не доказано обратного, то лицо по умолчанию является контролирующим, когда по отношению к организации-банкроту оно являлось: Единоличным исполнительным органом или лицом, которое имеет право его назначать; членом коллегиального органа управления; ликвидатором и членом ликвидационной комиссии; акционером или иным лицом, имеющим право распоряжаться 50 % голосующих акций или долей в уставном капитале.

Таким образом, сложный механизм квалификации, расследования и доказывания криминального банкротства обуславливается тем, что в отличие от хищений, криминальный характер банкротства не является явным, поэтому выявить и доказать его наличие представляется непростой задачей. Также, в каждом отдельном его случае необходимо установить полномочия потенциально виновного лица, факт совершения им конкретных действий (реализации полномочий), установить умысел и причинно-следственную связь, а в последствии свести это в комплекс состава преступления.

Во взаимосвязи с факторами описанными выше обратимся к рассмотрению практического кейса на примере ОАО АКБ «Инвестбанк». Согласно информации Банка России и правоохранительных органов, публично размещенной в средствах массовой информации, в указанной кредитной организации действовала крупная организованная группа или числа высших должностных лиц и собственников (бенефициаров) банка. В ее состав входили в т.ч. мажоритарные акционеры, единоличный исполнительный орган, члены правления и члены наблюдательного совета банка [2]. По мнению представителей компетентных органов государственной власти, данные лица совершали противоправные действия с имуществом, находящимся в распоряжении банка, в т.ч. не принадлежащим ему, и этими действиями планомерно довели кредитную организацию до состояния фактической несостоятельности. После выявления Банком России в 2013 году нарушений законодательства со стороны кредитной организации, а также видимых трудностей в исполнении в полном объеме обязательств перед клиентами и вкладчиками, у нее была отозвана лицензия, что выступило триггером юридического банкротства. На тот момент долг перед инвесторами (кредиторами и вкладчиками) банка составил более 63 млрд рублей. На пути к преднамеренному банкротству образовывались субгруппы злоумышленников, к которым в т.ч. примыкали лица не из числа должностных лиц банка или его собственников. Изначально действия всех обвиняемых лиц квалифицировали по ч. 4 ст. 159 УК РФ (Мошенничество в особо крупном размере, совершенное организованной группой). Однако, в ходе расследования данного криминального банкротства действия обвиняемых неоднократно переклассифицировались, лица участвующие в деле неоднократно меняли свой статус — со свидетелей на обвиняемых и обратно. В результате подозреваемым лицам были предъявлены индивидуальные и групповые обвинения по хищениям и сопутствующим не экономическим преступлениями. В частности, основная масса предъявленных обвинений касалась растраты в особо крупном размере (ч. 4. ст. 160 УК РФ) и превышения полномочий, повлекшего тяжкие последствия (ч. 2 ст. 201 УК РФ).

Более того, отдельные эпизоды в составе комплексного уголовного банкротства и обвиняемые по этим эпизодам выделялись в отдельное производство с индивидуальным обвинением. В последующем, по прошествии 6 лет правоохранительные органы предъявили обвинения в преднамеренном банкротстве лишь одному обвиняемому — мажоритарному акционеру / члену наблюдательного совета банка. Судьба этих обвинений на данный момент не известна.

Стоит отметить то, что совокупный ущерб, причиненный в результате описанного уголовного банкротства, составил свыше 40 млрд. рублей, в то время как совокупный объем хищений по всем предъявленным обвинениям не превышает и 15 млрд. рублей. И здесь мы выходим на характеристику одного из аспектов влияния специфических аспектов инициации уголовного производства и последующего преследования на судьбу и перспективы возмещения убытков инвесторов. В рамках уголовного производства решается не только вопрос восстановления правопорядка и привлечения к уголовной ответственности, но и вопрос о том, кто и в каком объеме этот ущерб причинил – организация своей несостоятельностью или топ-менеджер, совершивший преступление. Более того, это имеет существенное значение и для решения вопроса о том, кто должен возмещать причиненный ущерб. Как в показано в приведенном примере, одной из проблем в данном случае является то, что величина ущерба, инкриминированного обвиняемым и признанного в судебном процессе виновным деянием, не соотносится с величиной ущерба, фактически причиненного инвесторам/кредиторам в результате уголовного банкротства. Это обусловлено тем, что объем доказанных хищений не покрывает объем всех последствий от уголовного банкротства, что естественно выступает не в пользу интересов инвесторов.

Таким образом, вопросы о уголовном банкротстве это не только юридические вопросы о правопорядке и законности, это прежде всего экономические вопросы об обеспечении и материальной защите прав и интересов инвесторов, вопрос о защите их от финансовых рисков обусловленных

криминальными действиями. Безусловно, в рамках гражданского законодательства и законодательства о банкротстве есть нормы о субсидиарной ответственности контролирующих лиц, которые в случае банкротства организации-должника призваны защищать интересы и права инвесторов. Вместе с тем нужно понимать, что криминальное банкротство есть преступление умышленное, то есть это действия спланированные и подготовленные. В рамках спланированного и организованного преступления, конечные бенефициары банкротства, его организаторы и непосредственные исполнители заранее могут озаботиться поиском пути выхода из-под давления этого вида гражданско-правовой ответственности. И даже в том случае, если избежать субсидиарной ответственности полностью у этих лиц не получится то, как минимум они могут предпринять действия по сокрытию собственного имущества, на которое может быть обращено взыскание в рамках применения к ним субсидиарной ответственности. При реализации подобного сценария перспективы возмещения вреда, причиненного инвесторам, весьма туманны.

В любом случае, отрицательная разница между стоимостью имущества, на которое можно будет обратить взыскание, и величиной ущерба, причиненного в результате криминального банкротства, ляжет бременем убытков на инвесторов. Гарантированных инструментов и методов обеспечения прав и интересов инвесторов, защиты их от финансовых рисков инвестирования, обусловленных криминальными факторами, нет. Безусловно, в кредитном сегменте применяется система страхования вкладов, которая призвана решить эту проблему, но она имеет весьма узкое применение в спектре широкой и разнообразной совокупности инвесторов. В частности, она ограничена не только по сумме возмещения, но и по категориям пострадавших лиц — в части юридических лиц она применяется только в отношении микропредприятий и малых предприятий, включенных в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, а также только в отношении ограниченных форм некоммерческих организаций. Более того, как показывает многолетняя практика функционирования системы страхования вкладов финансовые риски,

формируемые в этой экономической отрасли, перераспределяются между инвесторами (вкладчиками) и специальным страховым субъектом, но не покрываются полностью. Таким образом, в рамках перераспределения происходит трансформация частных рисков в публичные, которые угрожают уже не отдельным инвесторам, а в целом национальной финансово-кредитной системе. В сфере страховых организаций и негосударственных пенсионных фондов также есть обязательные и добровольные инструменты страхования/перераспределения рисков. Эти инструменты во многом обладают недостатками, сопоставимыми с вышеприведенными недостатками, которые характерны страхованию вкладов. Например, в сфере деятельности по управлению пенсионными деньгами негосударственных пенсионных фондов есть требования об обязательном страховании ответственности управляющих компаний и специализированных депозитариев, а в сфере деятельности самих НПФ есть система гарантирования средств пенсионных накоплений. В частности, сопоставимым недостатком этого инструмента является то, что данные требования применяются только к пенсионным накоплениям, а не ко всем пенсионным обязательствам управляющей компании или пенсионного фонда, а также не ко всем обязательствам специализированного депозитария по инвестиционным активам, находящимся у него на хранении. В сфере профессиональных участников рынка ценных бумаг тоже имеется финансово-юридический базис и накопленная практика формирования компенсационных фондов. Однако и здесь нужно отметить, что в силу специфики их формирования и функционирования такие фонды выступают прежде всего средством трансформации рисков по отдельно взятой недобросовестной или криминальной финансовой организации в общие риски всех финансовых компаний — участников компенсационного фонда.

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2021 г.

Библиографический список

1. Зубков И. Узнать в юрлицо // Российская газета – Столичный выпуск № 119 (8470) от 02.06.2021. – С. 5.
2. Рубникович О. Из «Ясенок» – в «Капотню» // Газета «Коммерсантъ» №104 от 19.06.2021. – С. 3
3. Рубникович О. Инвестиции ушли в офшоры // Газета «Коммерсантъ» №91/П от 31.05.2021. – С. 4
4. ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ. Аналитический сборник «Состояние преступности в России». [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2228811>
5. Яковлев А.Ю., Медведева Ю.С., Рагулина Анастасия Вячеславовна Преднамеренное банкротство банков на современном этапе // Имущественные отношения в РФ. 2016. №4 (175). – С. 83-98.

References

1. Zubkov I. To find out in a legal entity // Rossiyskaya gazeta - Stolichny issue № 119(8470) of 02.06.2021. – p. 5.
2. Rubnikovich O. From «yAsenok» – to «kApotnya» // Newspaper «Kommersant» № 104 of 06/19/2021. – p. 3
3. Rubnikovich O. Investments went offshore // Newspaper «Kommersant» № 91/P of 05/31/2021. – P. 4
4. FKU «GIAC» of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Analytical collection «The state of crime in Russia». [electronic resource] – Access mode. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2228811>
5. Yakovlev A.Yu., Medvedeva Yu.S., Ragulina Anastasia Vyacheslavovna Deliberate bankruptcy of banks at the present stage // Property relations in the Russian Federation. 2016. №4 (175). – Pp. 83-98.